

ҚИР БУЛЫЧЕВ



МЕЧ ГЕНЕРАЛА БАНДУЛЫ

Кир Булычев

Меч генерала Бандулы

«ЭКСМО»

1968

Булычев К.

Меч генерала Бандулы / К. Булычев — «Эксмо», 1968

ISBN 5-699-16956-3

Фантастическая повесть. В удивительную, почти фантастическую страну попадает обычный школьник. Встретились Игорю настоящие друзья и враги, способные на любое преступление. Да еще таинственная история древнего меча, неведомым путем попавшего в Россию из далекой Бирмы. Какой же мальчишка устоит, когда перед ним невероятная загадка?! Да и девчонки, честно говоря, не менее любопытны...

ISBN 5-699-16956-3

© Булычев К., 1968

© Эксмо, 1968

Содержание

Глава первая,	5
1	6
2	11
3	13
4	16
5	19
6	21
7	25
Глава вторая,	27
1	28
2	31
3	35
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Кир Булычев

Меч генерала Бандулы

Глава первая,

в которой речь пойдет о событиях, происшедших задолго до начала нашей повести, а именно в 1824 году, когда Англия начала завоевание Бирмы. Не будь этих событий, не было бы и самой повести.

1

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ ЛАЗУТЧИКА

На скрипучих деревянных мостках стояли бирманские солдаты. Когда причаливала лодка с того берега, они осматривали ее груз и обыскивали пассажиров.

С океана налетал порывами прохладный ветер, и пламя факелов металось над берегом. Дым клочьями летел к реке, и поэтому солдаты не заметили, как небольшая плоскодонка проскользнула мимо мостков и причалила выше по течению, там, где к самому берегу подходили заросли кустов.

Гребец осторожно сложил на дно весла, обернутые тряпками, потом вылез на берег и подтянул лодку повыше, так что она почти вся скрылась в ветвях.

С минуту он постоял, прислушиваясь. Ветер доносил шум военного лагеря – звон упряжки, голоса, тяжелые вздохи боевых слонов, перестук барабана, пронзительный скрип повозок, протяжный гул шанской песни. Поблизости же, в кустарнике, было тихо. Появление человека заставило смолкнуть мычавших лягушек и беспокойных ночных птиц. Только летучие мыши чиркали крыльями над головой да надоедливо звенел комар, который никак не решался напасть на пришельца.

Человек привычно поправил лоунджи – бирманскую мужскую юбку. Юбка была подхвачена широким ремнем, из-за которого торчала рукоять небольшого пистолета. Это был дорогой пистолет. Если бы не темнота, можно было бы разглядеть перламутровую инкрустацию на рукояти и тонкую резьбу на стволе. Три года назад он снял пистолет с убитого индуса.

Коричневая бирманская куртка, потрепанная и не очень чистая, треснула на спине и была заштопана редкими, неровными стежками. Волосы были собраны на затылке в тугой пук, лицо казалось темным, как у крестьянина, которому приходится проводить дни под солнцем, на рисовом поле.

Этот человек на первый взгляд мог показаться бирманцем, но бирманцем он не был. Его выдавали рост, светлые голубые глаза и крупный прямой нос. Бурая краска на лице легла неровно – видно, человек спешил, отправляясь в путешествие по реке. Черный парик чуть сдвинулся на лбу, обнаружив корни русых волос. Но эти мелочи не играли в темноте никакой роли. Лейтенант Уинфри не собирался предоставлять кому бы то ни было возможность рассматривать себя в упор.

Уинфри тихо свистнул, подражая птице би-бин. Вряд ли свист был слышен дальше чем за двадцать шагов. Но тут же за его спиной кто-то прошептал:

– Вы не опоздали, Уинфри.

– А, это вы? Отдаю вам должное – крадетесь, как пантера.

– Иначе бы не выжил. Что нового в армии?

– Не знаю. Два дня провалялся в лихорадке. Хотел, чтобы послали сегодня кого-нибудь другого, но полковник Кемпбелл волнуется. Это правда, что Бандула готовит наступление?

Тот, кого сравнили с пантерой, осторожно переступил с ноги на ногу. Он был ростом ниже Уинфри, значительно уже в плечах, голос его от волнения срывался.

– Это очень опасное место, – прошептал он, приближая губы к уху разведчика. – Совсем рядом стоит свежий отряд. Из Таунгу.

– Ничего. Скоро наши свидания кончатся. Я имею в виду тайные свидания. Так вы не сказали мне о наступлении.

– Не знаю. Ничего не знаю. Меня же не приглашают на военный совет.

– А если подумаете?

Несколько секунд собеседник не отвечал. Неподалеку всхрапнула лошадь. Неподвижность съездившейся фигурки смутила Уинфри. Ему передался страх, полностью охвативший маленького человека.

– Ну-ну, – сказал Уинфри. – У всех нервы не в порядке. Нас никто не слышит.

– Вы не представляете, как они казнят изменников, – раздался в ответ тихий шепот. – И я... и мне кажется, что за мной кто-то шел от самого лагеря.

– Кемпбелл просил передать вам его личную благодарность за верную службу короне. Вы можете быть уверены, что вас не забудут.

– Так сказал сам полковник?

– Что же, я придумал, что ли?

По правде говоря, Уинфри все придумал. Наоборот, командующий английским отрядом выразил свое неудовольствие пассивностью «нашего человека в лагере бирманцев».

– Итак, – снова заговорил Уинфри, – что вы можете сказать о наступлении?

– Солдатам выдали сегодня вдвое больше риса и рыбы. Вечером подошел последний араканский полк. К утру будут обозы. Они сейчас переправляются через реку.

– Видел. Еще что?

– Сам генерал Бандула проверял сегодня артиллерию.

– И как?

– Некоторым пушкам по двести лет. Одна разорвалась.

– А мы сегодня никак не могли понять, что за взрыв у бирманцев.

Уинфри улыбнулся, и маленькому человечку показалось, что зубы его светятся так, что их видно из лагеря. Ему захотелось попросить Уинфри, чтобы тот закрыл рот, но он не посмел и продолжал:

– А сейчас Бандула собрал к себе всех командиров полков и артиллеристов.

– Где?

Эта новость показалась Уинфри интереснее всех предыдущих.

– В своем доме. В монастыре. Но туда не подойти. Вокруг стоят гвардейцы. Я не пойду туда.

– Мы пойдем вместе, – сказал Уинфри.

– Вы сошли с ума, лейтенант! Нас поймают!

Но Уинфри уже не слушал его.

– Можно подойти к самому дому?

– Ни в коем случае, – быстро ответил маленький человек. – Я же говорю, там гвардейцы.

– Послушайте, – резко сказал Уинфри, – мы здесь на войне. И я и вы – все мы. Если бирманцы и вправду собираются перейти в наступление и мы не будем этого знать, нас могут разбить, вышвырнуть в море. Мы и так уже потеряли треть солдат в стычках и от болезней. Госпитали переполнены. Мадрасские сипаи дважды пытались взбунтоваться. Два наших батальона ушли на лодках в сторону Пегу. Они могут не вернуться к завтрашнему утру. А вы все твердите – страшно. Мне тоже страшно. Где дом Бандулы? Ведите меня, и попрошу без фокусов. Если что-нибудь случится со мной, спуститесь на лодке к нашему лагерю, расскажите обо всем самому Кемпбеллу. Ну, показывайте дорогу.

– Может быть, я сам к утру все разужаю. И пришлю слугу с запиской...

Но Уинфри не слушал. Он пошел вперед, к лагерю, и его спутнику не оставалось ничего другого, как догнать англичанина и показать ему тропинку, ведущую к холму.

На опушке они остановились. Многочисленные костры бирманской армии рождали красное зарево над равниной. Лагерь ложился спать, но, если присмотреться, можно было увидеть, как черные тени перекрывают огни костров и снова тают в ночи. За неосвещенной нейтральной полосой тянулась звездная цепочка – английские костры. Цепочка казалась далекой, куда дальше, чем была в действительности, и лейтенанту Уинфри вдруг захотелось броситься туда,

к спасительным маленьким огонькам, хранящим его палатку, его койку, его Библию на соседнем ящике у койки, письмо, придавленное подсвечником. Но, перед тем как вернуться к далеким огонькам, ему надо было пройти тропинку...

Впереди, шагах в двухстах, провалами в небе чернели силуэты манговых деревьев, окружавших старый буддийский монастырь. Монастырь был покинут лет пятьдесят назад, во время войны с монами, и в его высоких каменных зданиях жили только змеи и хамелеоны, выбегавшие погреться на шлифованные плиты дорожки. Недавно самый большой дом привели в порядок, выгнали из него белок и насекомых, постелили циновки и притащили из соседней деревни низкие круглые столы. Там остановился генерал Бандула, командующий бирманской армией.

Генерал прибыл к войскам всего месяц назад. До этого армией командовали по очереди два дяди короля Бирмы – Баджидо. Им король, человек подозрительный и жестокий, доверял больше, чем известному полководцу, которого, на его взгляд, слишком любила армия.

Но англичане, неожиданно высадившиеся под Рангуном, быстро разбили королевских родственников, захватили город и великую пагоду Шведагон, и насмерть перепуганный успехами иноземцев король призвал Бандулу. Это надо было сделать куда раньше, но Баджидо слишком долго не мог поверить, что английский отряд способен победить его армию. Он и слышать не хотел о том, что у англичан много пушек, что ружья их стреляют вдвое дальше, чем бирманские.

Теперь же сезон дождей кончился, и удобное время для отпора англичанам было упущено. Со дня на день они могли перейти в наступление. И генерал Бандула решил их опередить – это был его последний шанс.

– Опасно, Уинфри, очень опасно, – продолжал нашептывать маленький человек. – Придется двести ярдов пройти по открытому месту. Нас могут поймать. Неужели вы думаете, что ваш бирманский маскарад кого-нибудь обманет?

– Ну хорошо! – огрызнулся Уинфри. – Идите в пяти шагах впереди и, если что-нибудь случится, делайте вид, что видите меня впервые в жизни. Устраивает?

– Если вы так полагаете...

– Только не убегайте далеко, а то я заблужусь.

– Да нет, что вы! – И человечек заспешил вперед.

– Не забывайте, что вы гуляете, – догнал его злой шепот.

Он не ответил. Он быстро прошел полторы сотни шагов, с ужасом и надеждой глядя, как приближаются и растут купы деревьев. Деревья обещали защиту, но в то же время там, в роще, к нему присоединится Уинфри, и если что-нибудь случится... Он искренне пожелал, чтобы Уинфри потерял его в темноте, чтобы Уинфри схватили...

Они благополучно добрались до первых деревьев. Маленький человек заметил, что Уинфри вынул кинжал.

– Не смейте, это нас погубит!

Уинфри ничего не ответил, и только в темноте снова блеснули его зубы.

– Где дом? – спросил он.

– Вон там, свет горит.

Перебегая от дерева к дереву, путаясь в колючках и высокой траве, лазутчики добрались до затерявшейся в кустах изгороди. Они забились в узкую щель между сросшимися стволами деревьев. Мимо, совсем рядом, напевая что-то веселое, прошел часовой. Он остановился у дерева и окликнул напарника. Тот отозвался не сразу.

– Что он сказал? – спросил Уинфри, когда часовой отошел подальше.

– Он... он сказал, что прохладная ночь. А второй спросил, нет ли у него табака... И говорите тише, а то тут все слышно на сто ярдов вокруг.

– А вы не лижите мне ухо. Я и так слышу. Ну-ка, помогите мне перелезть.

Уинфри мог это сам отлично сделать, но ему хотелось заставить своего спутника принять участие в их совместных действиях. Когда человек занят делом, он меньше боится.

– Следуйте за мной, – шепнул Уинфри и, пригнувшись, пробрался кустами почти к самому окну дома Бандулы.

Теперь от окна его отделяла только неширокая дорожка, по которой время от времени, позвякивая саблей, проходил часовой. Уинфри присел на корточки и чуть раздвинул ветви перед лицом. Он был уверен, что часовой его не увидит, даже если станет прямо перед кустами. Позиция была надежной. И оттого, что путешествие к дому бирманского генерала оказалось таким несложным и так хорошо окончилось, Уинфри даже вспомнил, что ему хочется курить. К сожалению, этого он себе позволить не мог.

Широкое окно в зал было открыто. Генерал Бандула, невысокий светлокожий бирманец средних лет, сидел на циновке лицом к Уинфри. Когда он говорил, усы его забавно шевелились. Перед Бандулой стоял невысокий столик с разложенной на нем картой. Остальные офицеры сидели вокруг и внимательно слушали генерала. Военный совет бирманской армии не производил внушительного впечатления – офицеры были одеты по-домашнему, в лоунджи и разноцветные куртки. Никто не был вооружен. Среди членов совета было два европейца. Об одном Уинфри слышал – это был богатый армянский купец, который ведал в бирманской армии снабжением. Второго, высокого, светловолосого, с красным от ядовитого тропического солнца лицом и выпавшими бровями и ресницами, Уинфри не знал. «Интересно, кто он», – подумал Уинфри и тут же понял, что его спутника рядом нет. Уинфри даже не нужно было оборачиваться, чтобы убедиться в этом.

– Эй, – сказал он в тишину зарослей. Но осекся, потому что услышал, как поскрипывает песок под ногами приближающегося часового.

«Удрал, – подумал Уинфри. – Вот подлец! Конечно, удрал. Надо было гнать его перед собой, как скотину. Ну, я ему покажу, когда вернусь! Я ему покажу!»

Уинфри был зол. Его знания бирманского языка было недостаточно, чтобы понять, о чем совещаются бирманские офицеры. А ведь почти каждое слово доносилось до кустов. И почти каждое было непонятным. «Я ему покажу! – бормотал про себя Уинфри, отлично понимая, что отправиться сейчас на розыски спутника, который уже надежно спрятался подальше от опасного места, – безумие. – Я ему покажу!» И сознание собственного бессилия распаляло Уинфри. О чем они говорят? Может, подстеречь одного из офицеров, когда они будут расходиться с совета, и утащить его в свой лагерь? Но как сделать это в одиночку? Да и если похищение пройдет удачно, все равно бирманец может ничего не рассказать.

Опять мимо прошагал часовой, и на мгновение его силуэт закрыл окно. Уинфри захотелось чихнуть. Почему-то всегда хочется чихнуть, когда этого делать ни в коем случае не следует.

Он опустил ладонь на рукоять пистолета. Да, пожалуй, так будет вернее всего. Но перед тем как вынуть оружие, Уинфри мысленно повторил весь путь от лодки до монастыря. Он не собирался умирать. Сразу после выстрела надо будет добежать до ограды, пересечь манговую рощу, и там самое трудное – двести ярдов до прибрежного кустарника. Шансы есть. Он неплохой бегун. На помощь ему должны прийти темнота и суматоха.

Уинфри достал из-за пояса пистолет и отвел курок. Рукоять с одной стороны была теплой, с другой – холодила ладонь. Теперь надо подождать, пока часовой отойдет подальше. О втором часовом он предпочитал не думать. Полковник Кемпбелл должен оценить его находчивость. Убийство Бандулы, пожалуй, единственный способ остановить завтрашнее наступление. Бандула не только опытный генерал – он авторитет, который поддерживает бирманскую армию после нескольких поражений.

Часовой скрылся за углом здания.

«Ну...» – сказал себе Уинфри, поднял пистолет и не спеша прицелился. Вряд ли удастся выстрелить второй раз.

И, уже нажимая на курок, не в силах остановить палец, Уинфри понял, что выстрел его не достигнет цели: офицер в синей куртке внезапно наклонился над столом, показывая что-то на карте, и заслонил собой Бандулу.

Выстрел грохнул так громко, что казалось, выстрелила пушка. Стая ворон с криками поднялась с дерева, над головой заметались летучие мыши. Офицер в синей куртке медленно опустился на стол. Остальные стояли замерев, как бы еще не понимая, что же случилось.

И тут же все пришло в движение. Топот часовых, взрыв голосов внизу, в лагере, суматоха в комнате...

Уинфри рванулся к ограде, запутался в кустах, потратил три секунды на то, чтобы освободиться от колючек, и эти три секунды решили его судьбу.

Краснолицый блондин выпрыгнул в окно и, вырвав ружье у подбежавшего часового, бросился вслед за англичанином. Он видел, как трепетали кусты. Он далеко обогнал остальных и за изгородью, в манговой роще, различил темную тень, рывком перебежавшую от ствола к стволу.

Выстрел застиг Уинфри в тот момент, когда он покинул укрытие рощи и, освещенный вышедшей луной, петлял по склону холма. Уинфри остановился, будто налетел на невидимое препятствие, потом, шатаясь, сделал еще два шага и рухнул в черную траву...

Вслед за стрелявшим к Уинфри подбежали часовые. Разбуженные солдаты перекликались, звенели оружием.

– Принесите свет. – Блондин нагнулся над телом Уинфри.

От дома приближалась процессия с факелами. Впереди шел сам Бандула. Телохранители прикрывали генерала с боков, обнажив длинные мечи.

Солдаты расступились, пропуская генерала.

– Кто этот человек? – спросил Бандула. – Он одет в нашу одежду, но не бирманец. Кто его знает?

Никто не ответил.

– Наверное, феринджи, англичанин, – сказал Бандула, наклоняясь над трупом и повернув к себе голову Уинфри. – Молодой и смелый. Стрелял в меня.

– Тут могут быть и другие, – сказал один из офицеров.

– Если были, то убежали. Вернее всего, он был не один. Кто-то показал ему путь к дому. Позовите Роджерса.

Но переводчика Роджерса не пришлось звать. Он, полуодетый, заспанный, как раз подбежал к толпе.

– Я здесь, – сказал он. – Что случилось?

– Роджерс, ты никогда не видел этого человека? – спросил Бандула. – Ты же бывал в английском лагере с моими письмами.

Роджерс несмело приблизился к Уинфри. Тонкий, продранный на локтях халат не спасал от ночной прохлады. Роджерс дрожал и всеми силами пытался скрыть дрожь, чтобы кто-нибудь не подумал, что он боится.

– Нет, – сказал он наконец, – я никогда не видел этого человека.

2 НАГРАДА

Когда часа через два окончилось так неожиданно прерванное совещание, Бандула приказал Ивану остаться.

– Ты храбрый солдат, – сказал генерал, приглашая Ивана сесть. – Если бы не ты, он бы убежал и полковник Кемпбелл узнал кое-что, чего знать ему не положено. Ты не боялся, что он подстережет тебя и убьет? У него мог оказаться второй пистолет.

– Нет, не боялся, господин генерал, – сказал Иван. – Некогда было.

– В вашей русской армии храбрых солдат награждают медалями?

– Так точно, – ответил Иван. – Или крест дают на грудь.

– Я тебя тоже хочу наградить, – сказал Бандула.

Он поднялся с циновки и подошел к стене, где висел его меч – длинный, чуть изогнутый, в чеканных серебряных ножнах. Бандула снял меч и протянул Ивану:

– Возьми, эта награда лучше медали. Не правда ли?

Иван никак не мог вспомнить, как положено говорить в таких случаях по-бирмански. Вообще-то он за три года научился свободно говорить, но иногда слов не хватало. Так и не вспомнив, он сказал: «Рад стараться!» – и вытянулся во фрунт.

Генерал улыбнулся:

– Садись, разговор еще не закончен.

Он хлопнул в ладоши и приказал вбежавшему ординарцу принести чаю. Ординарец тут же вернулся с подносом. Он давно служил у генерала и знал, что уж если Бандула остался с кем-то поговорить, то чай обязательно понадобится.

– Как твои пушки? – спросил Бандула, отпивая черный чай из тонкой китайской фарфоровой чашечки. – Завтра не взорвутся?

– Не должны, – сказал Иван. – Хотя пушки у нас старые.

Бандула замолчал надолго, думая о чем-то, нахмурился. Иван пил чай и старался не двигаться, чтобы не помешать генералу.

– Да, – сказал наконец Бандула. – Если завтра их батальоны не успеют вернуться из Пегу, тогда, может, мы и победим. Ружья у нас плохие. И пушки. Англичане – солдаты хорошие... Ну ладно. Не бежать же нам от них... Тебе у нас нравится?

На такой вопрос, да еще только что получив награду от самого генерала, надо бы ответить «нравится», но Иван давно хотел поговорить по душам с кем-нибудь из большого бирманского начальства.

– Все-таки домой тянет, – сказал он. – Никак не привыкну к здешней жизни. Народ бирманский хороший и обижать меня не обижают, и все-таки я вроде пленника у вас.

– Это неправда, – сказал генерал. – Ты командуешь отрядом пушек. Тебя приглашают на военный совет, тебя сам генерал мечом наградил, а ты так говоришь. Нехорошо.

– Разве я отказываюсь у вас служить? Я не понимаю, что ли? – возразил Иван. – И англичане покорить хотят, и артиллеристов не хватает. Я понимаю – пока война идет, я должен с вами оставаться. Я про то, что потом будет, после войны, – об этом говорю. Вот кончится война...

– А может, женишься у нас, молодой ведь еще? Будут дети. Станешь ты большим генералом, сам король тебя приблизит...

Усы Бандулы топорщились, и непонятно было, то ли он посмеивается, то ли рассердился на русского артиллериста.

– Так у меня свой дом есть, – сказал Иван. – Отец и мать ждут. Ведь пять лет уже дома не был. Как отплыли мы из Санкт-Петербурга в кругосветное плавание, с тех пор от меня ни слуху ни духу. Были бы вы на моем месте...

– С генералом так говорить нельзя, – перебил его Бандула. – Генерал на твоём месте быть не может.

И опять стало непонятно Ивану, сердится Бандула или шутит.

– Может быть, Иван, – сказал он, – ты попадёшь домой даже скорее, чем полагаешь. Ты мне будешь нужен для важного дела. А сейчас иди спи. Завтра бой.

Когда Иван проходил мимо часового у двери, тот увидел в руках у русского артиллериста меч и цокнул языком: он узнал меч генерала.

А Иван шел к своей палатке и ломал голову, что же хотел сказать бирманский генерал. Иван уже три года жил среди бирманцев, привык к ним, но домой все равно тянуло, и он знал: нет такой силы, что его навсегда бы задержала в Бирме.

Три года назад он, один из матросов фрегата «Крейсер», которым командовал лейтенант Лазарев, стоял у борта и смотрел в последний раз на серые тени кронштадтских фортов, путаницу вант и суетню шлюпок, на туманную панораму Петербурга на горизонте... Где теперь его товарищи? Наверно, вернулись уж домой и позабыли про Ивана Исаева, который в бурю был смыт волной за борт в Индийском океане и три дня, пока не подобрала его лодка бирманских рыбаков, носился по морю, держась за обломок доски.

Потом была рыбацкая деревня и долгие недели тихой жизни, пока возвращались силы. Через месяц приехал чиновник из Мергуи, прознавший про спасенного матроса, и увезли Исаева в город, где расспрашивали долго про его страну и не верили сперва, что он не англичанин и не француз, – о других европейских народах чиновники в бирманском порту Мергуи знали мало. Тем временем депеша о русском матросе достигла бирманской столицы, и приказано было привезти его туда и взять в армию, в артиллерию, – пушек у бирманцев было мало, а пушкарей и того меньше. А надвигалась опасность – Англия, которая завоевала соседнюю Индию, шла на Бирму войной, хотела и ее покорить.

Иван понравился бирманским офицерам. Сначала ему доверили пушку, потом назначили батареей командовать. Был он умелым канониром, и сам генерал Бандула еще до этого памятного вечера заметил и выделил Ивана.

А вот сегодня, после совета и всех событий, даже наградил.

3

КОГДА СЛОНЫ ОПАСНЫ

Иван долго не мог заснуть в ту ночь. Уже начало светать, когда сон сморил его, и все виделась длинная дорога, в конце которой город Петербург и своя деревня, но почему-то Иван не шел по этой дороге и даже не ехал, а плыл в лодке и никак не мог побороть течение. Тут его разбудил солдат.

– Господин Иван, вставайте, – шепотом говорил он, тряся Ивана за плечо. – Пора. Сейчас начнем.

Иван вскочил, сел на циновке и с минуту никак не мог в себя прийти, понять, где он, что с ним происходит. Потом услышал за стенкой палатки перезвон оружия, приглушенные голоса солдат и тяжелую поступь боевых слонов – понял, что начинается бой.

Он надел через плечо перевязь меча, взял пистолет английского лазутчика, ополоснул лицо из таза в углу и вышел наружу.

Пушки уже стояли на холме, у белой маленькой пагодки, похожей в тумане на свечку. У пушек суетились канониры. Иван сразу очутился в знакомом и привычном мире ядер, порохового дыма и гладких, блестящих от росы, холодных еще стволов.

Мимо скакали ординарцы, нестройно проходили солдаты в железных шлемах с копьями и старыми ружьями в руках, проходили и таяли в тумане, в низине, откуда и должна была начаться атака.

Иван остановился у ядер, сложенных аккуратными пирамидками. Некоторые из ядер были чугунными, другие – каменными. Посмотрели бы наши, из каких пушек бьем, вот бы подивились на Исаева, подумал он. Как при царе Иване Васильевиче Грозном. Вслух же Иван сказал:

– Заряжай!

И пошел вдоль ряда разномастных монстров, захваченных еще у португальцев лет двести назад, купленных в Сиаме или отлитых в литейных мастерских Авы.

Туман над долиной неожиданно поднялся, как занавес в театре, и стало видно все поле, бирманские полки, разворачивающиеся для наступления, и вдали, за валами и тростниковыми фашинами, мелкие и суетливые фигурки в красных мундирах. Англичане не спали. Они были готовы к бою. Они были кем-то предупреждены.

Еще не прошло трех минут с тех пор, как внезапно растаял туман, и грохнули слаженно и сердито английские батареи, образовав перед фронтом бирманских отрядов быстро возникшую грозную стену рвущейся во взрывах земли, осколков и дыма.

Иван поднял вверх руку с мечом. Канониры поднесли к пушкам фитили, и ответный гул бирманской батареи прокатился над холмами, вызвав радость в рядах бирманцев. Но большинство ядер, не долетев до английских позиций, беспомощно прыгали по земле, не причиняя никому вреда. Справа и слева отозвались другие бирманские пушки.

Иван приказал прекратить стрельбу. Пользы в ней не было, а можно было попасть в своих.

На соседнем холме под манговыми деревьями появилась кучка всадников – Бандула со штабом. Генерал не ожидал, что туман подымется так быстро и внезапно и застанет бирманские полки в движении. Он приказал манипурской кавалерии ударить во фланг противника.

Но пока гонцы скакали к манипурскому полку, пешие части, встреченные огнем британских пушек, смешались и приостановили движение. Еще какое-то мгновение – и они побегут, и тогда битва будет проиграна еще до того, как она началась. Бандула пришпорил коня и бросился вперед, к войскам.

Его увидели, приветствовали криками, и сначала самые близкие к нему солдаты, потом другие, те, кто стоял дальше, пошли вперед все быстрее, стараясь не отстать от всадников, летящих на английские укрепления.

А тем временем из-за холма черной лавиной выкатилась манипурская конница. С гиканьем, размахивая кривыми саблями, горцы неслись на пушки, и казалось, их ничто уже не остановит.

Иван приказал подвести лошадей. Если атака удастся и первый ряд укреплений будет взят, надо перетащить пушки ближе к английским позициям, чтобы помочь пехоте.

Но перевозить пушки не понадобилось. К грохоту английской артиллерии примешались сухие залпы ружей. Упал конь под Бандулой, и Ивану было видно, как покатился по земле генерал, как бросились к нему адъютанты, как генерал поднялся и, прихрамывая, подошел к другому коню. Бирманцам эта заминка стоила многого. Хотя первые солдаты и ворвались на укрепления англичан, пробиться к пушкам им не удалось. Копья и мечи уступали в поединке английским штыкам...

Иван посмотрел направо, туда, где манипурские конники рубились с английскими артиллеристами...

Вдруг загудела земля. Шли боевые слоны. Видно, командующий слоновьей кавалерией не выдержал напряжения, испугался за судьбу генерала и решил бросить в схватку слонов, не дожидаясь приказа.

– Эх, дурачье! – выругался по-русски Исаев.

Сверху ему было видно, что слоны в своем движении неизбежно должны были пройти сквозь свою же пехоту.

Слоны казались очень грозными. Хоботы их были разукрашены, на спине каждого возвышалась башня со стрелками, а на концы бивней были прикреплены железные ножи. Слоны бежали вперед, и ничто, казалось, не могло их остановить.

Бирманские пехотинцы в ужасе бросились в разные стороны. Серые гиганты не различали ни своих, ни чужих.

Бандула и его поредевшая свита вернулись на холм. Иван даже не заметил, как генералу удалось вырваться из гущи боя. Он пытался разглядеть, не ранен ли Бандула, но издали не было видно. Низкое солнце светило прямо в глаза.

Иван повернулся в другую сторону, к левому флангу, и то, что он увидел там, немного успокоило его. Красные мундиры англичан и шлемы бирманцев смешались в схватке, которая кипела уже за линией укреплений. Пушки англичан там замолчали, чтобы не поразить своих, и артиллеристы, размахивая длинными банниками, старались не подпускать бирманских солдат к самим орудиям.

Бандула тоже увидел слабое место в английской обороне, и по его знаку на левый фланг бегом устремился резервный араканский полк, надежная гвардия Бандулы, ветераны, прошедшие с генералом не одну военную кампанию.

Тем временем слоны, оружие старомодное и ненадежное в бою с европейской армией, добились только того, что полностью рассеяли бирманский центральный отряд. Разъяренные шумом, пороховым дымом, криками, вспышками выстрелов, они все неслись вперед. Но Иван, уже видевший их в боях, почти не сомневался, что англичане, привыкшие к слонам в Индии, не растеряются.

Так и случилось. Цепочки стрелков в красных мундирах поднимались на вал и вскидывали ружья. Они целились в ноги слонам. Вот один из гигантов упал на колени, и башня на его спине угрожающе накренилась. Стрелки посыпались из нее, попадая под ноги бегущим сзади слонам. Еще один слон захромал. Еще один...

И тут случилось неизбежное. Отряд слонов, вернее, уже не отряд, а взбешенное стадо развернулось и бросилось назад, спасаясь от выстрелов. Слоны неслись, подпрыгивая от страха и боли, сбрасывая со спин башни с солдатами, растаптывая остатки бирманских пехотинцев...

Сюда не заберутся, с облегчением подумал Иван, полагаясь на крутизну холма и рвы, выкопанные заранее по его приказу.

Отступила и манипурская конница на правом фланге. Всадники, вырвавшись из зоны огня англичан, придерживали коней и собирались в тени деревьев, неподалеку от Бандулы. «Хорошо, что не разбежались, – с облегчением подумал Иван. – Они еще пригодятся».

Только на левом фланге пришедшие на помощь араканские гвардейцы вытеснили англичан с передовых позиций, захватили батарею и теперь упорно дрались с подоспевшими английскими подкреплениями.

Что же предпримет Бандула? Вряд ли теперь удастся одолеть англичан, и лучше всего было бы трубить отбой. Сражение проиграно уже потому, что враги были готовы к бирманскому наступлению. Англичане знали о сегодняшнем бое. Значит, прав был генерал – английский лазутчик был не один.

Солнце поднялось уже высоко. Было жарко, разогревшийся воздух стал горьким от дыма. Земля мелко дрожала – и от ударов о нее ядер и снарядов, и от бестолкового бега слонов. Некоторые из них добежали до реки и остановились там, у воды. Остальные исчезли среди деревьев.

Обернувшись к реке, чтобы посмотреть, что же будут делать слоны, Иван вдруг увидел несколько больших лодок, поднимавшихся вверх по течению. Лодкам удалось незаметно пробраться во фланг бирманским войскам. В каждой сидело несколько десятков солдат в красных мундирах, и на носу стояла небольшая пушка. Это был отряд, так не вовремя вернувшийся из Пегу.

Заметили лодки и англичане. И вот уже первые шеренги их солдат переваливают через вал и быстрым шагом пересекают равнину. Перед шеренгами идут барабанщики с белыми портупейми и знаменосцы несут синие, с красными крестами знамена. Треск барабанов особенно громок в наступившей тишине – замолкли пушки англичан.

Пора было вступать в дело бирманской артиллерии. Но Иван ждал. Рывкнули пушки второй и третьей батарей, Иван ждал. Пороха и ядер немного, тратить их зря никак нельзя...

Запыленный гонец прискакал на холм:

– Генерал спрашивает, почему не стреляет батарея?

– Скажи, чтобы не беспокоился.

Гонец с недоверием взглянул на Ивана и ускакал.

Редкие цепи бирманских солдат выстраивались у подножия холма, на котором стояла батарея Ивана. Солдаты посматривали наверх и что-то кричали. Видно, тоже торопились стрелять.

С ревом прилетел и разорвался английский снаряд. Англичане перенесли огонь своих батарей подальше.

– Заряжай картечью, – приказал Исаев.

4

ИВАН ПОЛУЧАЕТ ПРИКАЗ

Вечером отступившие бирманские полки устраивались на ночлег. Бой был проигран. И хотя батарея Исаева держалась дольше всех и дала возможность отступить основным частям бирманской армии, спасти положение не удалось. Были потеряны почти все слоны, погибла половина манипурской конницы и многие из гвардейцев.

Из батареи Ивана уцелело всего три пушки. От других батарей и того не осталось. Иван уж и не помнил, как ему удалось в последний момент привязать к лошадям оставшиеся целыми орудия и догнать отступающую армию. Его спасло то, что англичане, преследуя бирманскую пехоту, в сутолоке боя пропустили бешено мчавшиеся упряжки.

В тылу вдоль пересохшего ручья Бандула задолго до боя приказал выстроить бревенчатую стену. На всякий случай. Теперь эта стена спасла армию от полного разгрома. Англичане, тоже измученные тяжелым боем, остановились перед ней, затем отошли на холмы, еще утром занятые бирманской армией.

Иван сидел у костра со своими канонирами. Он пил чай. Может быть, уже сотую чашку. Удивительно, как хочется пить. Кажется, ничем не утолить жажду, ничем не заглушить тяжелый запах дыма и пота.

– Артиллериста Ивана к генералу Бандуле! – сказал солдат, останавливаясь у костра.

Солдат был так же грязен и измучен, как и сидевшие у костра канониры.

Иван шел через лагерь, мрачный лагерь побежденных, где раненые стонали у костров, а уцелевшие спали, сморенные боем.

Генерал Бандула сидел в небольшой палатке на циновке, скрестив ноги. Один рукав его был засучен, и лекарь перевязывал руку повыше локтя. Генерал жмурился и топорщил усы.

– Садись, – сказал он Ивану. – Садись, тебе говорю!

Иван сел.

– Даже чая нет. Ординарца убили. Понимаешь?

– Хотите, скажу своим – сварят.

– Не хочу. Мы англичан разобьем. Ты не думай, разобьем... Скоро закончишь?

– Сейчас, одну секунду, – ответил лекарь.

– Болит, понимаешь? Я командиру слонов приказал голову отрубить, и правильно сделал. А он кто – знаешь? Двоюродный брат короля. Глупость в бою – самое большое преступление. Я этих слонов напоследок берег, когда феринджи близко подойдут. А этот – своих давить... Ну, скоро ты?

Лекарь поклонился и, пятась, вышел из палатки.

На несколько секунд наступило молчание. Рядом с палаткой громко верещали цикады. Им и дела нет до боя. Кто-то вскрикнул – то ли раненый, то ли во сне.

Бандула поморщился:

– Болит рука. Я тоже неумы – поскакал в бой. А если бы меня убили? Жалко, мне голову рубить некому. Нам еще учиться надо, в другие страны ездить, оружие покупать. Твой король продаст нам оружие?

– Не могу знать. Может, и продаст.

– Посольство послать надо. Приедешь домой, спроси у своего короля, что он хочет за оружие. Можем дать рубины, слонов, тиковое дерево, рис.

– Я у себя в стране маленький человек. Меня царь слушать не будет.

– Будет. Ты у меня большой человек. Жалко, у меня второго меча нет. Я бы и второй тебе подарил. Но тебе и одного хватит, а?

– Я свое дело делал.

– Хорошо делал. Теперь другое дело делать будешь.

Бандула уселся поудобнее, стараясь не шевелить раненой рукой. Он внимательно посмотрел на Ивана, прищурился, как бы проверяя, говорить дальше или нет.

– Слушай, артиллерист. Я обещал тебе, когда кончится война, поедешь домой. Но я не знаю, когда кончится война. И меня тоже могут убить. Поезжай домой сейчас.

– Да мне не к спеху, – сказал Иван.

И сказал вполне искренне. Он сейчас не собирался уезжать. Его долг – не бросать в беде своих, а бирманцы стали своими, особенно сейчас, когда вместе сражались.

– Слушай, не перебивай! – сердито сказал Бандула.

Не на Ивана злился генерал – на проигранный бой, на англичан, на руку, которая болела.

– Я тебя не просто домой отпускаю. И, может быть, вчера еще и не отпустил бы. Сегодня твоя артиллерия кончилась. У тебя три пушки осталось да по одной в других батареях. Я их своему офицеру отдам. Справится. А для тебя дело поважнее.

Бандула поманил Ивана, чтобы подвинулся ближе. Понизил голос и продолжал:

– Завтра отступаем. Здесь нас Кемпбелл может голыми руками взять. Но я думаю, его солдаты тоже устали. С восходом солнца отправишься на север, в столицу, в Амарапуру. С тобой поедет мой адъютант Аун То. Ты его знаешь.

Иван кивнул головой. С Аун То они были даже приятелями. Молодой бирманский офицер, любознательный и веселый, нередко заходил к русскому канониру, расспрашивал его о дальних странах и морях, мечтал и сам повидать мир.

– Повезете важный груз. Очень важный. Я не оставлю его здесь, потому что англичанам может достаться. Что за груз, тебе знать не обязательно. Охрану дам малую – чем меньше народу будет знать, зачем едете и куда едете, – тем лучше. Скажете – на разведку. Письмо будет у Аун То. Тебе же даю другое письмо – пропуск через все заставы до России. Никто тебя не задержит, даже король. Ты доволен?

– Спасибо. Но, ваше превосходительство, я ведь домой сейчас не прошусь. Если нужно, до конца воевать буду.

– Я знаю. Но это дело важнее, чем бой. Я посылаю тебя, потому что верю тебе больше, чем некоторым своим офицерам... Эй, солдат!

Вошел солдат. Шлем его с острым шишаком был помят.

– Позови Аун То, он должен рядом быть.

– Слушаюсь, Маха Бандула. Тут у входа стоит Роджерс. Вы велели ему прийти с пленным англичанином.

– Пусть подождет... Да, постой. – Бандула нахмурился, но не от боли. – Он давно ждет?

– Недавно.

– Рядом с палаткой стоит?

– Рядом.

– Отгони их подальше, пусть подождут в сторонке.

Когда солдат ушел, генерал сказал, будто обращаясь к самому себе:

– Стенки у палатки тонкие.

Вошел Аун То, высокий большеглазый бирманец в европейских лосинах, шлеме и с двумя пистолетами за поясом.

– Вы звали меня?

– Садись. Артиллериста Ивана знаешь?

– Он мой друг. – Аун То улыбнулся и положил длинные сухие пальцы на колено Исаеву.

– Хорошо. Я так и думал. Завтра поедете вместе. Я тебе уже говорил. Завтра получишь мое письмо к королю. Там я обо всем докладываю. От себя скажешь, что Иван по моему приказу должен вернуться домой. Скажешь, что я хочу, чтобы с ним поехал в Россию ты, и пусть король отберет еще нескольких молодых офицеров. Приедете в Россию – идите к русскому

королю, скажите, что просим помощи. Баджидо меня послушается, сейчас у него, кроме меня, нет хороших генералов. Идите. Оба идите. Мне еще надо допросить англичанина, а рука болит. Пусть лекарь зайдет, даст настоя.

Бандула поднялся и левой, здоровой рукой пожал по-европейски руку Ивану, кивнул Аун То и снова уселся на циновку, давая этим понять, что разговор закончен.

– Желаю счастья, – сказал Иван.

– Желаю счастья и вам, сыновья, – ответил генерал. – Пусть войдет Роджерс с пленным.

Роджерс, наверно, услышал слова генерала, потому что Иван с Аун То столкнулись с ним у самого входа. За маленьким переводчиком солдаты вели англичанина со связанными руками. Роджерс быстро поклонился Ивану и, ничего не сказав, нырнул в палатку.

– Я счастливый человек, – сказал Аун То. – Я увижу другие страны!

– Пошли спать, – предложил Иван. – И так сегодня чуть живые, а завтра день нелегкий.

– Пошли, – сказал разочарованно Аун То, но спорить не стал.

– Небось не заснешь теперь, – сказал ему вслед Иван.

– Не засну, – почти радостно отозвался бирманец. – Совсем не засну!

5 ОТЪЕЗД

Утро пришло внезапно. Видно было, как проступают на черном занавесе деревьев синие тени, и вот уже можно различить листья, и летучие мыши ныряют в листву, чтобы повиснуть до вечера на ветвях, а навстречу им врывается в синеву утра пение дневных птиц.

Солнце еще не показалось над кустами низин, но вершина пагоды Шведагон вдруг вспыхнула золотом, и так ярко, что казалось, загорелись красные рубины, спрятанные под ее зонтом. А потом, будто кто-то провел широкой кистью сверху вниз, загорелась вся пагода – даже отсюда, из лагеря, издалека, громадная и величественная.

Не успела солнечная кисть докрасить основание пагоды, маленькие пагодки и строения, окружающие Шведагон, как лучи опустились на вершины манговых деревьев и почти тотчас же ударили в лицо, потому что в небо, как мяч из воды, вылетело солнце. И начался день.

Иван не выспался. Он много раз просыпался за ночь, торопил сон, торопил утро. Казалось, что эта короткая ночь длиннее лет, прожитых здесь. Солнце он встретил, сидя на лафете одной из трех оставшихся в батарее пушек. У ног лежал небольшой мешок, собранный еще затемно. Иван почти все пожитки оставил своим канонирам: рассудил, что путь будет долгим, трудным – нельзя перегружать ни коня, ни себя. Дай бог донести голову целой. Меч Иван повязал у пояса, туда же, за пояс, сунул пистолет, отобранный у англичанина.

С солнцем просыпался лагерь. В шум хриплых со сна голосов солдат и плеск воды влетел сухим треском случайный выстрел. В той стороне с криком поднялись вороны, но, покружившись с минуту, снова опустились на ветви – вороны привыкли к выстрелам, разжирели на падали. Лениво бухнула английская пушка...

Аун То пришел не один. За ним солдат тащил переметные сумы. Другой вел в поводу двух коней. Иван еще издали заметил, что кони добрые, манипурские.

– Как поживаешь? – спросил Аун То.

– Спасибо, хорошо, – ответил Иван. Потом добавил: – А груз где?

– Нас ждут за роццей. Чтобы никто в лагере не знал, куда уезжаем. Пусть думают, что в разведку.

Аун То легко вскочил на подведенного солдатом коня, проверил, хорошо ли закреплены сумы. Подождал, пока Иван, плохой кавалерист, приторочит свой мешок и усядется в седле понадежнее.

Через лагерь ехали не спеша. Осматривались. В тени деревьев лежали раненые, некоторые за ночь умерли, отмучились, но монахи, которые ухаживали за увечными и уносили мертвых, еще не проснулись.

Ночью поражение казалось не таким окончательным. Днем стало видно, что армия перестала существовать. Единственное, что могло спасти ее остатки, – немедленное отступление, пока англичане не собрались с силами, чтобы преследовать противника.

Спали кто где свалился после боя. Перемешались полки, отряды, тут же бродили оседланные кони, и непонятно было, то ли их хозяева погибли, то ли спят, позабыв обо всем.

Издыхал боевой слон. Он возил по земле окровавленным хоботом, и погонщик его, тоже окровавленный и грязный, плакал, глядя слона по голове, будто хотел утешить.

Миновали маленькую группу часовых, и Иван даже удивился, увидев их здесь. Странно было видеть бодрствующих в этом кошмарном сонном царстве.

Еще два солдата стояли у палатки генерала.

– До свидания, ваше превосходительство, – сказал Иван негромко по-русски. – Даст бог, свидимся.

Но сам не верил, что увидит когда-нибудь Бандулу.

Худенькая фигурка Роджерса поднялась из травы. Переводчик спал на земле, подложив под себя старый плащ.

– Доброе утро, господин Иван, – сказал он. – Доброе утро, Бо Аун То. Неужели вам тоже не спится?

– Доброе утро, Роджерс.

– Куда собрались?... Если не секрет.

– На разведку, – поспешил ответить Аун То.

– Какая же может быть разведка, если армия разбита?

В голосе Роджерса слышалась печаль.

Иван, чтобы успокоить человека, сказал попросту, без издевки:

– В случае чего у англичан устроитесь.

– Англичане не ценят предателей, – сказал Аун То и тронул коня.

– Вот это правда, – заторопился Роджерс. – Со мной церемониться не станут. – Он снял очки в погнутой оловянной оправе и принялся тереть большими пальцами стекла.

Снова неподалеку бухнула английская пушка. Англичане не собирались оставлять противника в покое.

– Мы будем отступать? – спросил Роджерс. Он почти бежал, держась за стремя Иванова коня.

– Северную дорогу посмотреть надо, чтобы англичане не обошли.

Больше Иван не оборачивался. Роджерс отстал и вернулся к палатке генерала.

На пригорке их ждали пятеро солдат, окруживших повозку с грузом. Чиновник с удивительно редкой, волоска в три-четыре, бородой протянул Аун То бумагу. Тот подписал ее в знак того, что груз им принят. Потом вся кавалькада – повозка, Иван, Аун То и пятеро солдат – двинулась на север. Бандула не хотел давать большого конвоя. Груз был секретным, и потому даже свои не должны были обращать на него внимания.

6

ПАГОДА ТРЕХ ДУХОВ

Каждый удар подковы о дорогу рождал клуб пыли, которая поднималась в жаркий густой воздух и повисала там. Казалось, повозка плывет по пылевым волнам. Иван повязал голову платком, чтобы не жгло солнце, и платок вскоре порыжел. Лица тоже приняли цвет пыли.

Голодная серая собака с перебитой ногой долго ковыляла рядом со всадниками, – наверно, надеялась, что ее накормят за верность. Потом притомилась, отстала и улеглась в тени у дороги.

Путь лежал по пустынным местам. Деревни казались безлюдными, и квадраты рисовых полей щетинились прошлогодней соломой.

Война была еще близка, и по этой дороге прошло слишком много голодных солдат. Даже горшок на полочке, прибитой к стволу дерева, был пуст и кружка пропала – некому было налить воды для путников.

Иван старался, чтобы не так жарко было, припомнить прохладу вологодской рощи, но видение, такое послушное обычно, сейчас скрывалось за пыльным облаком. Второй день путешествия на север подходил к концу.

– Сегодня где ночуем? – спросил Иван, поравнявшись с пропыленным Аун То.

– Дойдем до деревни Тауншве. Там нас будут ждать.

– Река! – крикнул солдат.

– Все правильно – Иравади. Мы снова вернулись к ней, – сказал Аун То. – Привал. Напьемся, и пускай напьются кони.

– Может, и заночуем здесь? Солнце уже низко, – сказал Иван. – Кони устали.

– Кони устали, – подтвердил солдат, стоявший рядом.

– Знаю, – сказал Аун То. – Но не хочется ночевать здесь. До деревни доберемся засветло.

– Не успеем, – сказал солдат. – Я из этих мест. К сумеркам будем только у пагоды Трех Духов. Это плохое место.

– Все равно поедем. Успеем к деревне.

Солдат оказался прав. Когда дорога привела путников к кустарнику, из-за которого выглядывала вершинка небольшой пагоды, солнце уже спустилось к синим горам на том берегу Иравади. Еще полчаса, и наступят короткие сумерки.

– Ночуем здесь, – сказал Аун То, и, как будто поняв его, кони прибавили шагу, и даже буйволы, запряженные в повозку, приподняли тяжелые рога и потянули сильнее.

Пагода Трех Духов стояла на плоской вершине холмика. Колючие кусты окружали ее со всех сторон, и дорога к ней казалась коридором, прорубленным меж невысоких неровных стен. В сумерках кусты казались темно-синими. Кое-где платформа под пагодой дала трещины, и сквозь них пробились травинки, выгоревшие под солнцем, жесткие и, казалось, мертвые. Сама пагода – конус в два человеческих роста, сложенный из кирпичей и обмазанный штукатуркой, – была давно не белена. Дожди смыли известку и окрасили в белый цвет площадку.

Солдаты разожгли костер, и от его света сразу стало темнее вокруг. Только Иравади, подходившая совсем близко к пагоде, серебрилась под низко висящей луной.

Иван обошел площадку. С трех сторон холм спускался полого, с третьей, дальней от реки, оканчивался обрывом, по краю которого щетинилась полоска кустов. Было уже так темно, что не разберешь, глубокий ли овраг. Но Иван решил, что неглубокий, – другая сторона его, тоже поросшая кустами, была совсем близко.

– Ты не голоден? – спросил Аун То. – Рис сейчас будет готов.

Солдаты расстелили на земле циновки и каждому на банановый лист положили по горке сваренного еще утром и разогретого риса. Один из них, продираясь сквозь кусты и пригова-

ривая: «Змей здесь нет, нет ни одной, а если есть, они не захотят меня укусить», поднялся с реки, неся воду.

– А змей здесь много? – спросил Иван.

– Очень много. Поэтому и пагода называется пагодой Трех Духов.

– А что общего между змеями и духами?

– Это старинная история, – начал солдат, довольный тем, что нашел слушателя.

– Я тоже слышал эту сказку, – перебил его Аун То. – Как три разбойника...

– Если вы позволите, господин, я сам расскажу эту историю, – сказал тот солдат, что боялся змей. – Я из этих мест.

– Расскажи, – согласился Аун То.

– Это не сказка. Это случилось в самом деле, только очень давно, когда главным городом в Бирме был славный Паган и правил им могучий царь Анируда. Жила там девушка изумительной красоты, и звали ее Ма Ни Ни. Все любили ее, потому что она была не только красивой, но доброй и ласковой. Даже птицы прилетали по утрам на ее крыльцо, чтобы спеть ей свои песни. Многие богатыри сватались к ней, но все получали отказ. Ма Ни Ни как-то увидела на празднике принца Чанзитту и решила, что отдаст свое сердце только ему...

Аун То подбросил в костер сухих ветвей, и огонь осветил неверным красноватым светом лицо рассказчика. Иван подумал, что так же сидели бирманские солдаты у костра и во времена древнего царя Анируды.

– Но Чанзитта, отважный и прекрасный воин, не знал о любви Ма Ни Ни и уехал на юг покорять город Татон. И тогда старый ростовщик Кула решил взять Ма Ни Ни себе в жены. Он был очень богатым человеком, но очень злым и многих разорил, потому что брал очень большие проценты.

– У нас в деревне ростовщик тоже берет очень большие проценты. Прошлой весной мы отдали ему половину риса, – сказал молодой солдат, сидевший в тени.

– Не перебивай, Ко Мья... На чем я остановился? Да, и решил ростовщик взять Ма Ни Ни в жены. Он пришел к ее отцу и предложил ему целую повозку золота. Но отец Ма Ни Ни был добрый и гордый человек. «Не надо мне золота, – сказал он. – Ты лучше спроси мою дочь, хочет ли она, чтобы ты был ее мужем». А Ма Ни Ни сказала: «Постыдись, отец! Твой зять будет старше тебя!» Но однажды Ма Ни Ни с отцом поехала на юг навестить свою тетю. И ростовщик нанял трех разбойников, чтобы они схватили Ма Ни Ни, убили ее отца и привезли девушку к нему в его лесной дом...

Иван слушал легенду и краем глаза поглядывал на реку. Ему показалось, что по серебряной дорожке поднимается черная полоска – лодка. Он хотел было сказать об этом Аун То, да не стал перебивать рассказчика. Черная полоска приблизилась к берегу и пропала в тени.

– Разбойники быстро доехали до того места, на котором мы теперь сидим. Вон там, под обрывом, в овраге, – солдат показал в сторону, противоположную реке, – они построили себе из камней дом и в нем ночевали. И вот однажды они слышат – стучат по дороге копыта. Это ехала повозка, в ней Ма Ни Ни, а рядом, на коне, ее отец. Разбойники бросились из засады на путников, отца девушки убили, а ее связали. Время было позднее, как сейчас, и они решили сначала переночевать, а с рассветом поехать к старику-ростовщику.

Солдаты подвинулись поближе к костру. Сказка сказкой, но ночь была темной, и в кустах что-то ворошилось и вздыхало – то ли ночные птицы, то ли змеи... Иван снова взглянул на реку. Но ничего не было видно.

– Ночью девушка обратилась с мольбой к духам лесов и гор, к зверям и птицам, чтобы они спасли ее. И тогда все змеи, что живут на холме и вокруг, вылезли из своих нор, тихо подползли к спящим разбойникам и искусали их. Страшными голосами кричали разбойники перед смертью!

Тут рассказчик сделал драматическую паузу и потом закончил совсем другим, тихим и будничным голосом:

– Девушку змеи не тронули. Она вернулась в Паган, вышла замуж за принца Чанзитту. Вот и все. А души разбойников, которые умерли так внезапно и страшно, не успокоились и долго бродили, пугая людей. Тогда и построили здесь пагоду, чтобы успокоить злых духов. Но, говорят, иногда ночами они появляются здесь и делают пакости честным людям...

– Ну и место мы выбрали для ночлега! – постарался пошутить Аун То. – И змеи, и привидения.

– Я же говорил, что место плохое, – сказал солдат.

– Ничего. Переночуем.

– Надо будет по очереди дежурить, – заметил Иван.

– Англичане далеко. Или ты боишься привидений?

– Привидений я не боюсь, хотя, может, у вас в Бирме они и особенные. Но мало ли кто может проехать по дороге. А у нас груз ценный. Бандула сказал, что мы можем сами погибнуть, а повозку должны довести до Амарапуры.

– Ладно, – сказал Аун То, – первым будет дежурить Ко Мья. – И он показал на молодого солдата. – А теперь спать. Сегодня луна, и привидения не придут.

– Не шутите, господин, – сказал старый солдат. – Духи этого не любят.

Аун То смущенно кашлянул. Ему не хотелось, чтобы Иван заметил, что он побаивается злых духов.

Иван улегся на площадке у пагоды. Ему не спалось, как не спалось и вчера ночью. А вдруг бирманский король не захочет отпустить его? И тогда прощай мечта о возвращении домой.

Ко Мья сидел у гаснущего костра, опершись о копье. Голова его медленно опускалась вниз, потом он спохватывался, просыпался, тряс головой, стараясь прогнать сон, и все начиналось сначала.

«Заснет, – подумал Иван, – обязательно заснет». Ему не нравилось это открытое, чересчур близкое к реке место. Рядом, прижавшись друг к другу, спали остальные солдаты и Аун То.

Иван встал и подошел к костру. Ко Мья даже не поднял головы. Он уже крепко спал.

Все тихо. Даже слишком тихо. Почему-то умолкли птицы и улегся ветер. Может, и в самом деле злые души мертвых разбойников подкрадываются к маленькому лагерю? Иван подошел к краю площадки, где стояла повозка. Под материей, которой она была покрыта, угадывались два больших ящика. Интересно, что в них?

В кустах раздался шум. Иван резко повернулся в ту сторону, но по храпу тут же догадался, что там – стреноженные кони и буйволы. Он еще раз пересек площадку. Надо было спать, завтра снова в путь, но тревога заставила его внимательно взглянуть в реку, в прибрежные заросли. И ему показалось, что кто-то возится там, внизу. Разбудить Аун То? Нет, наверно, почудилось.

Осторожно раздвигая ветки, чтобы не трескали, Иван начал спускаться к реке.

Несколько раз он останавливался, чтобы освободить куртку от вцепившихся в нее колючек. Перед тем как сделать шаг, он проводил подошвой по земле – может, попадется сухой сучок, а то и змея.

Уже шагов через двадцать он мог бы поклясться, что слышит голоса, шепот, не долетавший до площадки у пагоды, но явный внизу, у воды. Иван прислонился к стволу и замер.

Говорили по-английски. Английский Иван понимал плохо, но отличить его от других языков мог. Как же англичане могли здесь очутиться? И знают ли они о людях наверно? Наверно, знают, а то зачем бы им говорить шепотом и таиться.

Несколько человек поднимались по склону навстречу Ивану. Люди были в сапогах, и ветви потрескивали под подошвами. Кто-то тихо выругался.

«Пора», – подумал Иван. Он поднял пистолет, прицелился в направлении голосов и выстрелил.

7 ЗАСАДА

– А-а! – закричал тонкий голос с той стороны.

– Вперед! – по-английски скомандовал низкий бас.

И сразу кустарник ожил. Темная тень бросилась из кустов к Ивану, он не успел перезарядить пистолет. Меч его остался наверху, у пагоды. Иван отпрянул в сторону, его ослепила и обожгла вспышка выстрела. Противник его тоже отбросил ненужное теперь оружие, и в полной темноте они сцепились, потеряли равновесие и покатались, ломая кусты, под уклон.

Противник был тяжелее Ивана и подмял его. Пальцы англичанина рвали на груди куртку, подбирались к глотке, и свободной рукой Иван лихорадочно шарил по земле, стараясь отыскать какое-нибудь оружие. На счастье, он натолкнулся на обломок кирпича, свалившегося сверху. Он изловчился, ударил англичанина по голове и почувствовал, как ослабела хватка. Иван вывернулся из-под черной тяжести и, не оглядываясь, не зная, убил ли он противника или только оглушил его, бросился, ломая кусты, наверх, на помощь к своим, на шум схватки.

Но опоздал.

В свете луны было видно, что англичане у дальнего конца площадки рубятся с двумя оставшимися в живых солдатами. Нападение англичан было внезапным, и выстрел Ивана слишком поздно разбудил бирманцев.

Первым побуждением Ивана было броситься на помощь солдатам, но для этого надо было пробиться сквозь толпу англичан, пробиться без оружия... Он остановился, стараясь найти в темноте оставленный меч.

Схватка перемещалась понемногу к краю площадки, к дороге, куда отступали бирманцы. Они, видно, хотели добраться до коней, но попытка эта была безнадежна, потому что кони были стреножены на ночь, а англичан было по крайней мере впятеро больше.

Бирманцы поняли это и бросились бежать по дороге. Вслед бежали англичане, стреляя на ходу, и вспышки выстрелов казались зарницами.

Иван остался на площадке один. Он перебежал открытое место и поднял свой меч. Теперь он хоть был вооружен. Тут же он вспомнил о повозке. Англичанам нужна была именно она, вряд ли они стали бы посылать в длинное и рискованное плавание отряд только ради того, чтобы напасть на кучку бирманцев.

Повозка темнела над обрывом. Что делать? Иван подбежал к ней, попытался столкнуть ее вниз. Времени было в обрез, в любой момент англичане могли вернуться.

Нет, так ничего не получится. Тогда Иван рванул материю, покрывавшую груз, и, поднатужившись, сбросил под обрыв сначала один сундук, потом другой. Сундуки подпрыгивали, круша кусты и ударяясь о выступы обрыва, но сделаны были, видно, на совесть и не разбились.

Овраг был неглубок. Через секунду-две шум оборвался. Иван решил рискнуть и, обернувшись лицом к обрыву, сполз на животе вслед за сундуками.

Еще несколько выстрелов донеслось из-за холмов. Иван сорвался, пролетел сажени две и, больно ударившись об угол одного из сундуков, свалился на землю. Все стихло.

Иван поднялся и присел на сундук. Было совершенно темно. Привыкшие к темноте глаза видели только черные стены оврага и белые точки звезд над головой. Нет, еще что-то голубело совсем рядом...

Иван встал и, с трудом ступая на ушибленную ногу, сделал несколько шагов в том направлении. Вытянутая вперед рука уперлась в неровную оштукатуренную стену. Это было какое-то полуразрушенное здание, ушедшее в землю, с провалившейся крышей. Дом трех разбойников, вспомнилась Ивану легенда. Наверно, дом трех разбойников. Солдат говорил, что он был каменным.

Иван обошел небольшое здание и нашел вход.

Пожалуй, здесь можно будет спрятаться до тех пор, пока англичане не уйдут. Вряд ли они осмелятся долго сидеть на этом месте.

Потом Иван сообразил, что не грех бы спрятать здесь и сундуки. А то их можно будет увидеть сверху.

Сундук оказался очень тяжелым, Иван волочил его с трудом, но все-таки втащил в дверной проем и опустился без сил на пол. И тут услышал сквозь шум крови в висках голоса англичан. Они, видно, вернулись и о чем-то спорили. Один из голосов, высокий и виноватый, Ивану показался знакомым. Ивану захотелось бежать отсюда, и поскорее. Но тут он вспомнил о втором сундуке.

Он нашел его ощупью. Сундук был поменьше и полегче первого, но тащить его в дом разбойников было куда труднее. И сил уже не оставалось, и, кроме того, нельзя было шуметь – англичане стояли совсем над головой. Ивану казалось даже, что они могут услышать его дыхание.

Но, слава богу, они были слишком заняты собственным спором. «Ищут, – подумал Иван. – Хорошо, что я успел спихнуть груз под откос. Но они ведь не дураки. Догадаются – могут вниз спуститься».

Иван поставил сундук рядом с первым. На всякий случай еще раз проделал путь от дома к обрыву и заровнял борозды, оставленные сундуком. Потом посыпал их листьями и пылью.

Окончив работу, Исаев снова вернулся в домик. Англичане все суеились наверху, не уходили, но под обрыв пока не заглядывали. Внутреннее помещение дома было небольшое. Одна комната. Иван обошел ее, держась за стену.

В одном месте он почувствовал, что пол уходит вниз. Иван стал на четвереньки и обнаружил посреди комнаты яму. Видно, когда-то под домом был подвал. С одной стороны спуск в яму был пологим; Иван спустил по нему, как с горы, оба сундука, завалил их обломками кирпичей, щебнем и пылью. Иван успокоился. Англичане, если и поймают его, вряд ли найдут груз.

Иван решил уходить. Он рассчитывал к утру добраться до деревни Тауншве и вызвать помощь.

Через полсотни шагов овраг расширился и влился в долинку, по которой проходила дорога. Наверно, днем и холм, и овраг, и кусты – все будет куда меньше и обыденней, чем в темноте. Иван раздвинул колючки окровавленными руками и, хромя, вышел на дорогу. Голоса англичан звучали совсем неподалеку, казалось – над самым ухом. Пригибаясь, Иван побежал по дороге, но через несколько шагов остановился, натолкнувшись на лежащего поперек дороги человека. Ивану пришлось наклониться совсем низко, чтобы узнать Аун То. Бирманский офицер был мертв. Кровь из разрубленной головы залила лицо и натекла черной лужей на землю.

Иван подумал о том, что еще два часа назад Аун То, укладываясь спать, мечтал, как он приедет в Петербург.

Иван запустил руку за пазуху Аун То. Он хотел взять письмо, переданное Бандулой для бирманского короля. Англичане могли вернуться, чтобы обыскать труп.

Письмо было здесь, но, для того чтобы достать его, Ивану пришлось расстегнуть квадратные пуговицы куртки бирманца. Пуговицы не поддавались, и Исаев, борясь с ними, упустил тот момент, когда англичане, и в самом деле решившие обыскать убитых бирманцев, подошли совсем близко. Иван не успел даже выпрямиться – на спине у него уже тяжело дышал один из англичан, второй заламывал ему руки.

Борьба была короткой, и через минуту Иван лежал связанный. Маленький человек вышел из-за спины английских солдат. Он держал в руке факел и сказал удивительно знакомым голосом, посветив Ивану в лицо:

– Я его знаю. Это русский артиллерист, близкий человек к самому генералу Бандуле...

Глава вторая,

действие которой, как и всех следующих глав, происходит в наши дни и в которой мы знакомимся с главными героями повести.

1

ИГОРЬ ЕДЕТ В БИРМУ

Днем пришли ребята из класса и со двора прощаться. Они сильно завидовали Игорю, что он едет в Бирму, и Игорю хотелось быть добрым, чтобы они не подумали, что он зазнался.

Он подарил Гере Шатрову свою коллекцию копеек, а Шурику отдал боксерскую перчатку. Ребята сначала отказывались и говорили, что эти вещи понадобятся Игорю, когда он вернется, но Игорь отвечал, что вернется не раньше чем через год и вещам лежать зазря не стоит – пусть уж лучше ими пользуются другие. Марки он отдал Лине. Правда, Лина в них мало разбиралась, но ему хотелось сделать ей какой-нибудь ценный подарок. Юрка Белов немного обиделся, потому что уже считал марки своими. Пришлось отдать ракетки для бадминтона, но Юрка все равно продолжал обижаться, хоть и не показывал этого. Игорь даже залез под кровать, чтобы поискать, не осталось ли там чего-нибудь еще, что можно подарить. Ребята тоже искали. Лина нашла под буфетом теннисный мяч, и Игорь хотел подарить его ей, но Петя сказал, что это его мяч и что, когда играли в прошлый раз в штандер, Игорь нечаянно унес его с собой. Игорь об этом не помнил, тем более что в последний раз играли в штандер по крайней мере полгода назад, но спорить не стал и вернул мяч Петру.

Тут пришла мама и застала полный разгром. Ребята потихоньку ушли, потому что обычно матери не любят, когда их дети раздаривают все товарищам, а Игорю пришлось убирать комнату.

Правда, он сначала сказал, что, может, убирать уже и не стоит – все равно уезжать, но мать сказала, что только дикари оставляют после себя такое безобразие, а она смеет надеяться, что ее сын все-таки не дикарь.

– А в Бирме дикари есть? – спросил Игорь.

– Не знаю, – честно призналась мать, – спроси у папы. Я думаю, вряд ли где-нибудь в мире остались дикари, особенно когда почти все уже добились национальной независимости.

– Даже в Африке?

– Даже в Африке.

Игорь все-таки решил выяснить этот вопрос у отца. Ему очень хотелось, чтобы в Бирме были дикари.

Он подмел комнату, а потом пришел в кухню и спросил у мамы:

– А слонов там много?

– Ты же знаешь, что много.

– Знаю, – сказал Игорь. Он читал статью о Бирме в Большой советской энциклопедии.

Потом Игорь помогал маме укладывать чемодан и даже сидел на нем, чтобы он закрылся. Они с мамой немного поспорили, брать ли серое пальто. Игорь полагал, что в Бирме всегда жарко и никаких пальто не нужно, а мама ссылалась на ту же энциклопедию и говорила, что в январе минимальная температура довольно низкая.

Когда чемодан все-таки закрыли, Игорь захотел пойти во двор, чтобы попрощаться по-настоящему с Герой Шатровым, который был его настоящим другом, и с Линой, но мама не пустила, потому что вот-вот должен был вернуться отец, а до отъезда оставалось всего два часа и сейчас приедут тетя Маруся и бабушка и с ними тоже надо прощаться.

– Очень интересно! – заметил Игорь. – Тете Марусе со мной прощаться надо, а моим лучшим друзьям не надо!

– Но они же только что ушли. Разве ты не попрощался?

– Ты их спугнула, мам. Они застеснялись.

– Я бы тебя отпустила, но ты обязательно пропадешь на полдня.

– Неужели ты не понимаешь, – удивился Игорь, – что в моих же собственных интересах не опоздать на самолет? И вообще.

– Принеси-ка лучше мне из шкафа простыни, – сказала мама.

Игорь сильно обиделся на мать и чуть было не решил вообще убежать из дому и ни в какую Бирму не ехать, но на стуле около шкафа он увидел книжку «Янки при дворе короля Артура» и вспомнил, что не успел дочитать ее. Он сел на стул и начал читать про рыцарский турнир. Минут через пять пришла мать и сердито сказала:

– Тебя только за смертью посылать!

Зазвенел звонок, и появилась тетя Маруся, заранее заплаканная. Но Игорь знал, что тетя Маруся могла плакать по любому поводу. Потом пришел отец и принес билеты на самолет. Билеты были похожи на длинные книжки, и на обложке каждой был нарисован самолет, внутри же – фамилия и маршрут, по которому самолет полетит: Москва – Ташкент – Дели – Рангун.

Снова зазвонил звонок, и Игорь, не выпуская из рук билета, пошел открывать. Оказывается, пришла незнакомая женщина, которая хотела передать маме пакет с воблой для своего сына, который уж полгода работает в Бирме. Мама принялась спрашивать ее о всяких вещах, будто женщина только что сама приехала из тропиков, но та совсем не удивилась и отвечала подробно про жилищные условия и про то, что обязательно надо взять с собой кускового сахара, потому что там только сахарный песок.

Игорю стало скучно, и он, заметив, что на него уже никто не обращает внимания, потихоньку вышел на лестницу и спустился во двор, чтобы показать ребятам свой билет на самолет в Рангун.

Но на дворе никого не было. Только малыши возились в песке. Не им же показывать билет. Игорь расстроился и хотел уходить, но тут подошли Борис Солнышко и Марат – они учились в техникуме и обычно не имели с Игорем ничего общего. Но теперь они сами к нему подошли, потому что знали, что он уезжает в Бирму. Они разговаривали, как будто ему было уже шестнадцать лет, как им. Игорь показал им билет, и Борис Солнышко сказал, что в их техникуме один преподаватель ездил в Гвинею. Они спросили, какой в Бирме климат, и Игорь ответил, что муссонный. Потом Марат сказал, что Бирма маленькая страна, а Игорь возразил, что большая – две тысячи километров с севера на юг и двадцать миллионов населения.

В окно высунулась мама и сказала очень громко:

– Игорь, ты, по-моему, сошел с ума! Через полчаса уезжать, а ты даже пальцем не пошевелил!

Пришлось уйти. Только-только начали налаживаться нормальные отношения со старшими ребятами...

Отец спросил:

– Ты билета не брал?

– Брал. Только свой.

– Где же он?

Билета нигде не было. Ни в карманах, ни в руках. Билет остался у Бориса Солнышка.

– Сейчас, – сказал Игорь и съехал от ужаса.

У него было сильно развито воображение, и, пока он бежал до двери – восемнадцать шагов, – он успел представить себе все, что произойдет в ближайшие сутки. Ведь не могут же родители остаться в Москве оттого, что их растяпа сын потерял заграничный билет. Вот они, печальные и суровые, поднимаются на борт самолета и стараются не глядеть в его сторону, вот тетя Маруся берет его за руку, как маленького, и ведет обратно, в пустую квартиру, где ничего нет, даже марки и монеты раздарены, а когда он выходит на следующее утро во двор, его встречают обидными словами: «иностранец» или «таких, как ты, не то что в Бирму – в Малаховку пускать нельзя».

Но когда Игорь открыл дверь на лестницу, по ту сторону двери он увидел Бориса Солнышко, который уже протянул руку к звонку. В другой руке он держал книжечку билета.

– Не бойся, – сказал он Игорю, – ничего с твоим билетом не случилось.

– Вот спасибо тебе! – сказал Игорь. – А то я уже чуть не начал волноваться. Понимаешь, гляжу – нет билета.

Игорь был очень благодарен Борису, и, если бы у него что-нибудь осталось, он обязательно бы Борису подарил.

– Ну ладно, я пошел, – сказал Борис Солнышко. – Счастливого пути. Передавай привет бирманскому народу. Пиши.

– Спасибо, – сказал Игорь. Он так крепко сжимал билет, что чуть не смял его. – Обязательно напишу.

– Нашелся? – спросил отец, когда Игорь вернулся в комнату.

– Что с ним случится? – ответил Игорь.

– Ну, присядем перед дорогой, – сказала мама. – Ничего не забыли?

Все присели.

– Если что забыли, вышлю, – сказала бабушка.

– Тише, – сказала тетя Маруся. – Надо минуту помолчать. На счастье.

Игорь тоже сел и помолчал. Квартира была странной, нежилой и опустевшей, хотя все большие вещи оставались на своих местах. Даже шторы.

– Все, пора, – сказал отец. – Машина уже ждет.

Все страшно засуетились, начали одеваться, понесли вниз чемоданы, и Игорю досталась довольно тяжелая сумка. Борис Солнышко стоял на дворе и махал Исаевым вслед, пока они выезжали со двора.

2

ЭВЕРЕСТ ПОД КРЫЛОМ

На аэродроме отец сказал Игорю:

– Купи «Огонек», а то читать нечего, – и дал рубль. – На сдачу, может, себе что-нибудь найдешь.

Игорь подошел к киоску, в котором продавались книги, журналы и всякие вещи, нужные путешественникам. Игорь купил «Огонек». Еще оставалось семьдесят копеек, которые нужно истратить, потому что наши деньги теперь не скоро понадобятся.

Игорь увидел записную книжку в синем пластиковом переплете. Он понял, что именно этого ему и не хватало. Ведь в дороге придется вести дневник и делать всякие записи. Книжка стоила полтинник и отлично умещалась в кармане. Остальные деньги Игорь потратил на яблочный сок.

Когда Игорь вернулся к своим, как раз объявили, что надо идти на регистрацию багажа. Исаевы поцеловались с бабушкой и плачущей в три ручья тетей Марусей и довольно быстро прошли таможенную и всякие формальности. Таможенник попрощался с Игорем и пожелал ему счастливого пути. Потом все вышли на поле и долго махали бабушке и тете Марусе, которые остались за барьером. Маме тоже хотелось поплакать, но она, молодая и красивая женщина, сдерживалась и шла к самолету впереди всех. Отец нес сумку, в которой лежали фотоаппарат и разные разности вроде зубных щеток. Так началось путешествие.

Сначала внизу были поля и леса. Игорю уже приходилось летать в Крым, и он отлично представлял себе, какой должна быть земля сверху. Кроме того, самолет летел очень высоко, на девяти тысячах метров, и потому внизу все было не очень интересно, если не считать Волги и Аральского моря. В Ташкенте была последняя посадка, а потом самолет поднялся к горам, к государственной границе.

Игорь все смотрел вниз и ждал, когда же она будет. Не то чтобы он ожидал увидеть заставу и пограничников в дозоре. Он отлично знал, что пограничники не такие дураки, чтобы сидеть на самом виду. Но все-таки Игорь немного надеялся, что если повезет, то он увидит перепавшую полосу, которую диверсанты переходят, надев на ноги коровьи копыта. Он об этом читал в одной книжке про шпионов.

Но когда в проход между креслами вышла совсем молодая стюардесса и сказала, что самолет пересек государственную границу СССР, Игорь мог поклясться, что ничего внизу не изменилось. Были горы, наверное, невысокие, потому что до них было далеко, желтые и скучные. В горах не было ни деревьев, ни рек.

Отец дремал рядом и совсем не интересовался государственной границей. Во-первых, он уже летал за границу, а во-вторых, он вообще был недостаточно любопытным человеком. Мать читала «Огонек». Она мельком взглянула в окно и принялась читать снова. Игорь знал, что мама боится летать.

Потом горы увеличились. Настолько, что стали снежными и так близко подошлись к самолету, что Игорь забеспокоился, как бы не пришлось лавировать между ними. А вдруг откажет мотор «Ила»? Но мотор «Ила» не отказал, а между спинками кресел просунулась чужая рука, тронула Игоря за плечо, и когда Игорь обернулся, он увидел лысого нестарого дядьку, который крикнул:

– Смотри, Эверест, величайшая вершина мира!

Игорь не смог догадаться, какая из далеких вершин Эверест, но расспрашивать постеснялся и сказал только «спасибо».

Горы были настолько запутанны и бесконечны, что Игорь посочувствовал составителям карт, особенно старинным путешественникам вроде Марко Поло, которые всюду ходили пешком и не могли подняться на самолете, чтобы рассмотреть все поподробнее.

Игорь достал записную книжку и хотел записать в нее что-нибудь важное, но записывать было нечего. Все-таки он написал: «Перелетели Гималаи. Слева по курсу видна величайшая вершина мира – Эверест». Он еще посмотрел вниз, но никаких поселков, городов и деревень не было. Даже дорог не было. Это был очень дикий край, в котором можно запросто заблудиться и погибнуть. Игорь решил, что про это он запишет потом, когда будет время. И заснул.

Проснулся он, когда самолет уже стоял на земле. В салоне стало жарче, и винты лениво докручивали последние обороты. Записная книжка лежала на коленях, карандаш свалился на пол, и Игорь рассердился на себя, что заснул, и на отца, который его не разбудил вовремя.

За окном были синие сумерки, и самые настоящие индусы в белых одеждах и с голыми худыми смуглыми ногами катили к самолету трап.

На длинном здании за полем было написано по-английски «Нью-Дели». Отец уже завязал галстук и собирался выходить из самолета.

– Ты обо мне забыл? – спросил Игорь.

– Не хотел будить. Уж очень ты сладко спал, – сказал отец.

– Ты намучился, – вмешалась мать.

– С вами намучаешься! – ответил Игорь недружелюбно, но отец только улыбнулся.

В этот момент дверь открылась, и все пошли к выходу. Игорь сунул книжку в карман и пропустил маму вперед, как настоящий джентльмен... Он уважал маму. Она была самой молодой и стройной из мам в их классе.

– Вот мы и в Индии, – сказал отец.

Игорь ступил на первую ступеньку трапа и чуть не бросился обратно в самолет – такой густой и горячий воздух встретил его. Воздух с трудом залезал в горло, и хотелось сначала прожевать его, а потом уж вдыхать по кусочкам. Воздух был наполнен чужими запахами, и даже знакомые, перемешиваясь в нем, приобретали странные, чужие свойства. Бензин пахнул сладко и приторно. Еще пахло чем-то жареным, и душистым маслом, и цветами, и как будто в церкви, куда Игоря раз, давно, водила няня.

Игорь пытался дышать нормально и делать вид, что ничего особенного не произошло. Тем более что остальные пассажиры спокойно спускались по трапу и становились рядом с индийской девушкой в сари и синем берете. Игорь тоже был совершенно спокоен. Он сказал девушке «гуд ивнинг», что значит – «добрый вечер». Игорь учился в Москве в английской школе, и что-то, а уж поздороваться по-английски он мог.

Потом все пассажиры пошли через поле к огням аэропорта. Отец спросил маму:

– Не жарко?

– Шутишь, – сказала мама. – Кошмар какой-то!

Игорь вспотел, пока дошел до здания аэропорта. Ему хотелось даже загребать руками, чтобы легче плыть в воздухе, но он был в зарубежном государстве, и приходилось вести себя, как полагается настоящему советскому школьнику.

У низенькой загородки стояли индийцы и даже индийские дети и смотрели, кто прилетел. Они громко переговаривались и, видно, никуда не спешили. Игорь тоже посмотрел на них, но деликатно. Мимо проехал большой бензозаправщик, и слово «бензин» на нем было написано по-английски. На бензозаправщике сидели два индуса в белых комбинезонах с надписями на груди и на спине, чтобы видно было, на какую частную компанию они работают. На поле стояло еще несколько самолетов, и все разные. Но марок самолетов Игорь не разглядел.

Внутри в здании вокзала было совсем прохладно. Отец объяснил:

– Кондиционирование воздуха, кондишн – другими словами. У нас в комнате тоже так будет.

В большом зале стояло несколько киосков с удивительными индийскими сувенирами и сокровищами, и, пока официанты в белых с зеленым костюмах накрывали на столы, чтобы накормить пассажиров, Игорь пошел к киоскам и протолкался поближе, чтобы разглядеть внимательно, что там продают.

Продавали деревянные статуэтки и бронзовые головы богов, бусы, украшения, какие-то игрушки, расписные тарелки и даже кинжалы и ножи. Один меч Игорю показался чем-то знакомым. Где-то он его видел, то ли в музее, то ли у кого-то. Он стал рассматривать меч внимательнее.

– Смотрите, – сказал за его спиной голос по-английски, и Игорь даже удивился, что он почти все понимает. – Смотрите, бирманский старинный меч. Интересно, как он сюда попал.

Игорь обернулся и увидел двух человек. Один – толстый, белый, добродушный, с круглым, почти детским лицом, хотя ему было не меньше сорока лет. Он был одет в черную сутану, и у горла виднелся полоской очень чистый белый воротничок. Второй – куда меньше ростом, худой и смуглый. На нем синий костюм с галстуком, украшенным золотыми колечками, и ботинки его так начищены, что на них больно смотреть.

– Вещи путешествуют, как люди, – сказал толстый.

«Он, наверно, священник, – подумал Игорь. – А может быть, миссионер». Миссионер заметил, что Игорь смотрит на него, и сказал:

– Мальчик заинтересовался оружием. Все мальчики любят оружие. Не так ли?

Игорь понял, что надо что-то ответить, но тут все английские слова вылетели у него из головы. Он стоял и чувствовал, что краснеет.

– Вы говорите по-английски? – спросил худой.

– Нет, – ответил Игорь. – Очень плохо. – Ему было ужасно стыдно. Еще не долететь до Бирмы и так опозориться!

– Он, наверное, русский, – сказал худой. – Этот самолет из Москвы.

– Мы еще увидимся, – сказал толстый и улыбнулся очень доброй улыбкой.

Толстый больше понравился Игорю, хотя и был священнослужителем.

– Игорь, – сказала мама, которая незаметно подошла к киоску, – у тебя удивительная способность теряться! Все уже едят. Скоро посадка.

На столе стояли стаканы с апельсиновым соком. Игорь пил сок и думал, что надо будет написать учительнице английского в Москву про то, что он почти все понимает по-английски и скоро научится свободно разговаривать. Потом Игорь быстро съел котлету, которую принес официант-индус. Официант кланялся каждый раз, когда ставил тарелку, и сосед по столу, лысый дядька Евгений Александрович Глушенко, который, оказывается, третий год работал в Бирме корреспондентом и возвращается туда из отпуска, сказал:

– Разница в обслуживании, не правда ли?

– Не знаю, – ответила мама.

А отец сказал:

– В больших ресторанах по три официанта на посетителя. Один воду наливает, другой подносит, третий деньги берет. И как только они не прогорают? Платят, наверно, мало.

– Не много, – сказал Евгений Александрович.

После ужина все снова вышли на летное поле. Осталось лететь совсем немного. Часа четыре. И будет уже Бирма. «Может быть, там не так жарко, – подумал Игорь. – А то как же жить? Даже в футбол не поиграешь».

У самолета он заметил священника и его спутника. Оказывается, они тоже летели из Дели на этом самолете. Священник узнал Игоря и улыбнулся ему.

– Заводишь первые знакомства? – спросил отец.

– Да нет, случайно встретились, – сказал Игорь. Ему было приятно сознавать себя взрослым человеком, который прилетел в Индию и так, между делом, познакомился с настоящим священником. – Мы тут вместе один меч рассматривали, – добавил Игорь.

3

ЗЕЛЕНКО, МИША И АППАЛСВАМИ

В Бирме оказалось тоже жарко. Правда, не так, как в Дели, может быть, потому, что была ночь и дул несильный ветер.

У трапа стоял наш консул, который сначала обнялся с Глущенко, а потом познакомился со всеми, кто прилетел.

Опять впереди, как и в Индии, расстиралось поле и за ним – освещенное длинное здание аэровокзала, только оно было куда больше и красивее, чем в Дели. Снова проехал бензозаправщик, но на этот раз на нем сидели не индийцы, а бирманцы. Игорь сразу, хоть и было довольно темно, увидел разницу между бирманцами и индийцами. Бирманцы были скуластые, и глаза у них были хоть и большие, но чуть раскосые. Среди тех, кто стоял у самолета, некоторые были одеты в форму летчиков, а некоторые в длинные, почти до земли, юбки. Ночной аэродром, если не считать «Ила», был пуст.

У здания аэропорта тянулась загородка, но за ней стояли в основном русские. Они все здоровались с пассажирами и встречали знакомых. Рыжий парень подошел к отцу и спросил:

– Вы Исаев?

– Да.

– Здравствуйте. Я переводчик со строительства. Володя Зеленко. Проходите, пожалуйста, в зал, подождем, пока привезут багаж.

Зал в аэропорту оказался великолепным. Он был большой, в два этажа, и вокруг него шла галерея, на которой находился ресторан. Внизу вокруг столиков стояли удобные, очень низкие кожаные кресла. На эти кресла и уселись все, кто прилетел с самолетом. На стенах зала были громадные фрески. Фрески изображали незнакомые, наверно, бирманские сказки. Там были и летающие слоны, и замки, и девушки, которые прятались в листве деревьев и сами походили на листья и на цветы, и лучник, и еще многое другое. В углу была изображена совсем странная сцена – три разбойника напали на очень красивую девушку с высокой прической и в белом платье, а большие змеи подползали к этим разбойникам сзади.

Игорь увидел, как толстый священник и человек в синем костюме прошли через зал и исчезли в маленькой двери. Переводчик Зеленко взял у отца все паспорта и билеты и тоже ушел в ту же дверь. Игорь догадался, что там таможня и пограничники.

В зале было довольно шумно. Все разговаривали по-русски, спрашивали приехавших, какая в Москве погода, что нового. У двери стоял сторож в берете и с кривым ножом за поясом. Он открывал дверь, и сквозь нее врвался теплый воздух.

От соседнего столика к Исаевым подошел носатый мужчина и спросил, не заходила ли к ним перед отъездом его мать. Оказывается, это была та самая женщина, которая говорила Исаевым, чтобы они взяли с собой колотого сахара. Мама сказала, что они привезли воблы, и носатый ужасно обрадовался. Он даже обернулся к какому-то своему знакомому и сказал:

– Приглашаю тебя на пир, старик. Мне из Москвы воблы прислали. – А маме он сказал: – Вы не представляете, как хочется иногда чего-нибудь соленого или черного хлеба! Ведь здесь нету.

Вернулся Зеленко и повел Исаевых в таможню. За ними потянулись и все остальные. Таможенники, в рубашках с короткими рукавами и белых шортах, долго заполняли анкеты, и прошло еще по крайней мере полчаса, прежде чем Исаевы покинули аэровокзал.

У входа стояло несколько машин. Зеленко сказал носильщикам, чтобы они поставили чемоданы, заплатил им, и тут подъехал «газик». Из «газика» выскочил шофер-бирманец со зверским лицом и радостно захохотал. Во рту у бирманца оказалось множество золотых зубов.

– Здравствуйте, – сказал он по-русски, – Поекали? Куда поекали?

– Это Маун Чве, – сказал Зеленко. – Он работает у нас на строительстве.

– Миша, – поправил его шофер. – Девноста три поекали, да?

– Ну да, на Университетскую, – сказал Володя Зеленко. – Мы будем жить с вами в одном доме. У нас хороший дом. Там еще живет наш механик Шурыкин с женой и дочкой.

Машина ехала по темному шоссе, и непонятно было, лес ли вокруг или дома с палисадниками. Иногда фары выхватывали из темноты толстые стволы деревьев, опутанные лианами, иногда проскакивал сбоку огонек. Проехали лавочку, в которой стояло три столика. За одним сидел бирманец и пил что-то из чашки.

Игоря опять потянуло в сон, но он боролся с ним, потому что боялся пропустить что-нибудь интересное. Ему хотелось спросить Зеленко, есть ли в Рангуне слоны, но он постеснялся. Если слонов не окажется, Зеленко может посмеяться над наивностью Игоря, а Игорь совершенно не терпел, когда над ним смеялись.

Отец разговаривал с Зеленкой о своих делах. Игорь немного послушал, но разговор был не очень интересным, и он снова стал смотреть по сторонам.

– Карашо? – спросил его шофер Миша и захохотал громким голосом.

У Миши был большой приплюснутый нос, который занимал пол-лица, и непослушные прямые черные волосы. Волосы блестели: видно, Миша смазывал их какой-то мазью, но все равно они стояли дыбом на затылке.

– Хорошо, – сказал Игорь.

Миша все хохотал. Он, как выяснилось потом, очень любил смеяться и думал, что всем приятно, когда он смеется.

– Рангун карашо! – говорил Миша и заливался смехом. – Москва – очень карашо! Мистер Агахан – очень карашо!

Кто такой мистер Агахан, Игорь не знал, но все-таки соглашался. Миша хоть и был очень страшный, но Игорю в принципе понравился.

«Газик» лихо свернул на прямую освещенную улицу, дома на которой прятались за деревьями, – перед каждым был сад. У одного из домов, перед белыми воротами с цифрой 93, Миша затормозил, надавил на гудок и не отпускал его.

– Потише, Миш, – сказал Зеленко. – Всех соседей перебудишь.

К воротам, часто мигая в свете фар, бежал по дорожке очень высокий и очень худой индус с бритой головой, на которой, как у запорожца, был оставлен длинный чуб. Он грозил машине кулаком и, видно, тоже хотел сказать, чтобы Миша не поднимал такого шума. Индеец был босой и одет только в белые штаны, которые могли бы быть и штанами, и кальсонами, и просто намотанной на ноги материей. Они назывались «дхоти», но об этом Игорь узнал только через несколько дней.

Индеец открывал ворота и ругал при этом Мишу на бирманском языке. Миша только широко улыбался.

Машина проехала по узкой, посыпанной гравием дорожке и остановилась под широким навесом. Пока Исаевы вылезали из машины, индеец догнал ее и остановился перед гостями, сложив руки перед грудью ладошка к ладошке.

Игорь тоже сложил руки перед грудью. Он знал, что так здороваются индийцы.

– Здравствуйте, Аппалсвами, – сказал Зеленко по-английски. – Эти люди будут жить в доме.

– Йес, сэр, – сказал Аппалсвами.

Исаевы поздоровались с ним, и он принялся открывать широкую стеклянную дверь, обтянутую частой сеткой. От москитов и всяких насекомых, догадался Игорь.

– Аппалсвами садовник и сторож. Он копит деньги, чтобы уехать обратно в Индию и купить там дом. У него в Индии семья, – говорил Володя Зеленко, помогая вместе с Мишей

вытаскивать чемоданы и носить их на второй этаж, в комнаты, которые предназначались для семейства Исаевых.

Игорь отошел на несколько шагов, чтобы получше рассмотреть дом. Но в темноте очень трудно было понять, какой он. Тогда Игорь взял сумку и пошел за Мишей по лестнице. Когда они проходили мимо двери на первом этаже, она открылась, и оттуда высунулся курчавый мужчина в пижаме.

– Извините, – сказал он, – я не одет. Очень рад, что вы приехали. Мы вас ждали, но самолет опоздал, и мы заснули. Шурыкин, – представился он. – Я сейчас оденусь и помогу вам устроиться.

– Ради бога, не надо, – сказала мама. – Мы сами. Не беспокойтесь.

– Ну, спокойной ночи, – сказал Шурыкин. Ему, видно, в самом деле хотелось спать. – До завтра.

– До завтра.

– Да, что нового в Москве?

– Все в порядке, – сказал папа. – Стоит Москва.

Шурыкин вежливо засмеялся.

Исаевы поднялись на второй этаж. Игорь сразу обошел новую квартиру. Первая комната была побольше, и в ней было довольно жарко. Под потолком висел большой вентилятор, с метр в диаметре. Зеленко включил его, и лопасти завертелись, разгоняя застоявшийся воздух.

Во второй комнате, поменьше, стоял под окном белый ящик, кондиционер. Зеленко включил и его. Из кондиционера заструился прохладный воздух.

– Ванная и туалет в коридоре, – сказал Зеленко. – Я тоже живу на втором этаже. Вот моя комната.

Игорь заглянул и в ванную, и в комнату Володи Зеленки, в которой было много книг, а еще стоял магнитофон.

– Ну, вот и все, – сказал Зеленко, – больше я вам мешать не буду. Завтра вставать рано. Вы не спешите, спите сколько хотите. Я часам к одиннадцати за вами заеду, и мы поедем к Агаханову, начальнику строительства.

– Хорошо, – сказал папа. – Впрочем, я рано встаю, и когда будете уезжать, зайдите за мной.

– Завтракаем мы внизу, все вместе, – сказал Зеленко. – Но об этом тоже договоримся.

Исаевы попрощались с Зеленкой, и мама начала вынимать из чемодана простыни, пижамы, полотенца и всякие вещи. Минут через пятнадцать комната приобрела почти жилой вид.

– А теперь спать, – сказала она Игорю. – Мыться и спать. А то тебя уже земля не держит.

Игорь не стал спорить. Ему хотелось, чтобы поскорее наступило утро и он бы увидел Бирму, Рангун и весь этот удивительный мир, в который его так запросто занесла судьба.

4

ДОМ № 93

Утром Игорь сквозь сон слышал, как отец собирался с Зеленкой на работу. Потом встала мама и спустилась вниз. Игорю очень хотелось проснуться, но глаза долго не открывались – ничего с ними не сделаешь, пока они сами не откроются. Игорь сел на кровати, на лицо упал солнечный луч и разбудил его.

За окном покачивала головой самая настоящая пальма, а рядом, над густым темно-зеленым деревом, летали золотые птички. Они строили гнездо, странное висячее гнездо, похожее на большую грушу. В тени под деревом сидел садовник Аппалсвами и чинил лопату. Он тюкал по ней молоточком, а из-за невысокой живой изгороди за ним внимательно наблюдал мальчик лет десяти, в трусах и сандалиях на босу ногу. Мальчик был не русский, но и не бирманец.

Около постели висели на стуле белая рубашка с короткими рукавами и короткие штаны. Мама повесила. Игорь оделся и пошел в коридор, умываться и чистить зубы. Снизу долетал вкусный запах завтрака. Там кто-то звенел посудой и слышались приглушенные голоса. Игорь быстро почистил зубы, вымылся и пошел вниз. Он подумал, что хоть и жарко, но терпеть можно. Тем более что надеяться на лучшее не приходится. По крайней мере пока не наступит бирманская зима.

Игорь читал в энциклопедии про бирманский климат и отлично знал, что в Бирме всего два времени года, потому что Бирма тропическая страна. В ней есть сухой период, с октября по май, и дождливый – с июня по сентябрь. Прохладнее всего бывает в декабре – январе, а жарче всего – в мае и апреле. Поэтому даже в бирманских школах каникулы наступают в апреле. Приехал Игорь в Бирму в конце сентября, как раз когда начинался сухой сезон. И дождей не должно быть теперь до весны. Игорь посмотрел на небо – оно было голубое и без облаков. Значит, все правильно, энциклопедия не ошиблась – наступил сухой сезон.

На первом этаже Игорь без труда, по запаху гренков, нашел столовую. В ней стоял один большой стол и вокруг него несколько стульев – жители дома завтракали все вместе. Из кухни вышла мама и сказала:

– А я как раз собиралась тебя будить. Специально для тебя какао подогревали.

Игорь сел за стол, и мама принесла ему завтрак. Тут пришел сосед Шурыкин. У него болела рука, и он не пошел на работу. Шурыкин был похож на учителя математики в Игоревой школе, человека не очень строгого и разговорчивого. Потом в столовой появилась девочка лет пяти с белой косичкой и голубыми глазами.

– Здравствуй, Игорь, – сказала она. – Меня зовут Наташа Шурыкина. Я знаю, что ты вчера приехал.

Игорь познакомился и с ней. Не успел он снова усесться за стол, как пришла третья представительница семейства Шурыкиных – тетя Шура Шурыкина, мать Наташи. Она была похожа на Наташу, даже очень похожа, но только была большой и полной, и косичка ее была уложена в кольцо на затылке. Пришлось снова встать и познакомиться с Шурыкиной-мамой.

«Ну, вроде все», – подумал Игорь. Ему не терпелось выйти на улицу и посмотреть на Бирму.

Но быстро закончить завтрак не удалось. Оказалось, что Наташе хочется поговорить с новым соседом.

– Ты ходишь в школу? – спрашивала она.

– Угу. – Рот у Игоря был занят.

– Я тоже пойду в школу, – говорила Наташа. – Я уже знаю букву «фы».

Она обмакнула палец в разлитое какао и нарисовала букву «П».

– Ты грамотей, – сказал Игорь, чтобы не спорить с ребенком.

– А кто такой грамотей? – спросила Наташа и заглянула Игорю в глаза. Нет, от нее так легко не отделаешься.

– Это хороший человек, – сказал Игорь.

– На Скот-маркете есть очень хорошая шерсть, – доносился до Игоря голос Шуры Шурыкиной, которая разговаривала с его матерью. – Я вам обязательно покажу этот магазинчик.

– У меня есть два попугая, – сказала Наташа. – Они живут в клетке.

– Да ну? – Игорю захотелось посмотреть на попугаев. Он быстро допил какао.

– Они зеленые, – сказала Наташа. – Раньше еще один был, но он улетел к Роджерсам, и его съела ихняя кошка. Я не люблю Роджерсов, и кошка у них отвратительная, а ихний Джонни дернул меня за косу, чуть половину не выдрал. Я уж ревела-ревела.

– Ну, пойдем, покажи мне своих попугаев, – сказал Игорь.

– А что надо сказать? – ехидно спросила мама.

– Спасибо, – сказал Игорь.

Они с Наташей вышли на террасу, вернее, в прихожую, у которой одна стена была сетчатой. Прямо на полу стояла большая клетка, и в ней на жердочке сидели два небольших зеленых попугая, ростом с голубей, с красными шапочками на головах.

– Красивые попугаи? – спросила Наташа.

Попугаи не обратили на Игоря никакого внимания. Вообще-то Игорь очень любил животных. На даче у него была собака Тузиха, по породе дворняжка. В Москве он раз сто ходил в зоопарк и даже занимался в зоологическом кружке. Поэтому он знал многих животных, хотя таких попугаев еще не видел. Он видел только или очень больших разноцветных попугаев в зоопарке, или совсем маленьких попугайчиков, которых продавали на Арбате в зоомагазине.

– Красивые попугаи? – повторила Наташа. – А еще у нас есть собака, но она сейчас гуляет. Она не кусается.

Наташа взяла Игоря за руку и потащила в сад. Садовник Аппалсвами все еще чинил лопату, а мальчишка с соседнего участка все еще смотрел на него.

– Это Джонни Роджерс, – прошептала Наташа, вцепившись ногтями в ладонь Игорю. – Это его кошка съела моего попугая. Ты его побьешь?

Мальчик увидел Игоря, посмотрел на него и пропал. Убежал, наверно.

– Вот, – сказала Наташа, – он тебя боится, а меня ни столечки... Апа, ты не знаешь, где наш пес?

Садовник понял ее и показал пальцем в сторону забора, который выходил на улицу. Игорь с Наташей пошли туда, к воротам. За воротами была улица, и по другую сторону ее начиналось большое озеро. У берега озеро было мелкое, и в нем по пояс в воде стояли большие черные буйволы. Буйволы, казалось, дремали. На их спинах сидели птицы, похожие на маленьких белых аистов, и выклевывали насекомых. Буйволы на это не обращали внимания.

У самых ворот росли два больших дерева, и на их стволах на уровне груди человека были прибиты полочки.

На полочках стояли горшки, а возле них кружки. «Наверное, чтобы напиться, когда жарко», – подумал Игорь.

И тут он сообразил, что и в самом деле стало жарко.

– Хочешь на улицу? – спросила Наташа. – Мне мама не разрешает, но ты ведь большой.

– Можно и выйти, – сказал Игорь.

Он поднял задвижку на воротах и легонько толкнул створку. Ворота открылись, громко скрипнув, и, оглянувшись, Игорь увидел, что Аппалсвами вскочил и что-то сказал.

– Пошли, – торопила Игоря Наташа, – а то он маме наядедничает.

По улице ехал красный с желтым автобус-развалюха. Вместо номера на нем была прикреплена дощечка с нарисованной на ней коброй. В автобусе не было стекла, и ребяташки, высунувшись из него, махали руками Наташе и Игорю. Потом проехал самый настоящий

рикша. Только он не бежал, а ехал на велосипеде. К велосипеду была прикреплена коляска, в которой сидела бирманская женщина с двумя большими корзинами. Из корзин торчали куриные головы. Куры растерянно мигали и раскрывали клювы, будто хотели пить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.